

В.Е. Белинский

**Русский национальный флаг
и его реформа**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
В11

В11 **В.Е. Белинский**
Русский национальный флаг и его реформа / В.Е. Белинский – М.: Книга
по Требованию, 2021. – 37 с.

ISBN 978-5-458-11329-8

Автор книги рассматривает вопрос о цветах русского национального флага.

ISBN 978-5-458-11329-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

одна эмблема помѣщается въ серединѣ поля или щита, двѣ— въ серединѣ рядомъ, три—2 наверху и 1 внизу; четыре— по угламъ щита, пять—съ прибавкой пятой въ середину, и т. д.

Если изображенія помѣщены въ горизонтальномъ положеніи (рядомъ), то о нихъ говорятъ „въ поясъ“ (en fasces), если они размѣщены вертикально (одна надъ другой), то положеніе ихъ будетъ „въ столбъ“ (en pal); діагональное положеніе называется „скошеннымъ“ (en barre, en bande).

Двѣ діагонали (крестообразное скошенное положеніе) называются „андреевскимъ или бургундскимъ“ крестомъ (sauvoir), напр., „шесть червленыхъ ядеръ въ андреевскій крестъ“, въ отличие отъ простого крестообразнаго положенія. Если предметы размѣщены по рисунку буквы Г ¹⁾, это будетъ „въ аптоніевскій крестъ“; щитъ или поле, раздѣленные прямой линіей пополамъ сверху внизъ, называются „разсѣченными“; раздѣленные горизонтально— „пересѣченными“; діагонально,— „скошенными“—вправо или влѣво, при чемъ правой стороною считается часть, приходящаяся противъ лѣваго глаза смотрящаго (parti, taillé).

Верхняя часть щита (верхняя $\frac{1}{3}$)—называется „главою“ (chef), нижняя—оконечностью (pointe); кромѣ того, существуютъ „углы“,— „вольная часть“ (franc quartier) и (cantons) „четверти“ и пр. Фигура, изображаемая двумя линіями, идущими параллельно въ горизонтальномъ направленіи поля или щита—образуетъ поясъ (того или другого цвѣта или металла).

Такія же двѣ линіи въ вертикальномъ направленіи—образуютъ столбъ, такъ что на флагъ цвѣтныя полосы могутъ быть столбами или поясами; сочетаніе ихъ даетъ кресты, когда они встрѣчаются подъ прямымъ угломъ, и андреевскіе или бургундскіе кресты, когда пересѣченіе будетъ подъ острыми и тупыми углами (т. е. діагональное), когда они скошены.

Основное правило геральдики требуетъ, чтобы предметы (эмблемы и фигуры) были изображаемы финифтью, если они

¹⁾ Г—образная фигура—Tau, taf, bécquille de Saint-Antoine.

размѣщены въ металлическомъ полѣ (въ желтомъ или бѣломъ), и наоборотъ (*on ne met point métal sur métal, ni émail sur émail*), т. е. никогда не владутъ металла на металлъ, ни финифти на финифть; въ противномъ случаѣ, а они бывають часты, получится геральдическая „фальшь“ (*armes fausses*).

Второе правило: нельзя произвольно измѣнять рисунокъ и цвѣтъ (металлъ) эмблемы или геральдической фигуры (т. е. крестовъ, столбовъ, поясовъ, шевроновъ и др.); малѣйшее измѣненіе въ этомъ разѣ принятомъ направленіи считается нарушеніемъ и превращеніемъ въ новое. Сочетанія эмблемъ и фигуръ должны быть по возможности просты. Если одно изображеніе покрываетъ другое (наложено или насажено на него), то оно его „обременяетъ“ (*chargé*); если находится возлѣ другого, рядомъ, — „сопровождаетъ“ (*suit*); короны, мантіи и пр. „украшаютъ“ (*ornent*) фигуру или щитъ, по бокамъ котораго орнаментация, въ формѣ листа сельдерея (*feuille d'ache*), называется „наметомъ“, принимающимъ всегда цвѣтъ поля щита и главной его фигуры (*lambrequins*—бывшія турнирные ленты рыцаря).

Кромѣ всѣхъ этихъ основныхъ правилъ и аксіомъ геральдики, послѣдняя придерживается еще своеобразной красоты рисунка, составляющаго предметъ особаго изученія этой почти у насъ забытой науки, возрождающейся однако за границей, особенно въ Германіи, гдѣ ею теперь занимаются съ особымъ рвеніемъ ученые и диллетанты (Императоръ Вильгельмъ II самъ хорошо знаетъ геральдику). Въ настоящее время она начинаетъ сильно распространяться, какъ важная отрасль историческихъ знаній и какъ совершенно законченная наука, изучаемая наравнѣ съ сигиллистикой, сфрагистикой (наука о древнихъ печатяхъ), генеалогіей, нумизматикой и пр. Всѣ вмѣстѣ, эти знанія составляютъ громадное подспорье для исторіи и археологіи вообще. Нельзя сказать, чтобы геральдика, какъ это было въ прежнія времена, интересовала у насъ общество. Напротивъ, ее почти совершенно у насъ забыли, неправильно и необоснованно считая знаніе ея спеціальностью привилегированныхъ классовъ. Съ паденіемъ дворянскихъ традицій, увлеченіе геральдикой вообще у насъ ис-

чезло, а геральдической литературы, можно сказать, не существует вовсе. Все, что написано у нас по геральдикѣ, сводится лишь къ нѣсколькимъ трудамъ, изъ которыхъ лучшимъ считается сочиненіе Лавіера—Русская геральдика, С.-Петербургъ, 1853 г. Затѣмъ извѣстны Мальгина—Начертаніе гербовѣдѣнія, С.-Петербургъ, 1805 г.; Максимовича-Амбодикъ—Избранныя эмблемы и символы, С.-Петербургъ, 1811 г. Изъ повѣйшихъ, П. фонъ-Винклера—Русская геральдика, С.-Петербургъ, 1892 г. всего 3 выпуска, и его же Гербы Россійской Имперіи, С.-Петербургъ, 1899 г. Главнымъ же источникомъ нашего гербовѣдѣнія является офиціальныи Общій Гербовникъ Всероссійской Имперіи (съ 1798 года), послѣдній XIV томъ котораго еще не изданъ. *О кампаниллантѣ и Арсенала — Ушубула — ил шити и свѣтліе и сани илліи. (x) I. Трехцвѣтныи флагъ. 6 Май 1907; илліи Алексисил нелліи. Прусскѣ.*

Трехцвѣтныи національныи флагъ встрѣчается чаще двухцвѣтнаго, одноцвѣтнаго и другихъ флаговъ, среди которыхъ нерѣдко есть флаги, заключающіе, кромѣ финифтяныхъ ¹⁾ и металлическихъ поясовъ и столбовъ, фигуры и эмблемы, даже цѣлыя гербы. Въ частности сочетаніе лазуревой и червленой финифтей съ серебромъ мы видимъ въ Европѣ на флагахъ французскомъ, русскомъ, сербскомъ и нидерландскомъ ²⁾, при чемъ разница состоитъ лишь въ порядкѣ и формѣ ихъ сочетаній. Такъ, въ первомъ эти цвѣта (rouge-blanc-bleu—красныи, бѣлыи, синій) расположены въ столбъ, а въ остальныхъ флагахъ—въ поясъ.

Привезенныи г. П. Бѣлаенцомъ изъ Архангельска по Высочайшему повелѣнію „Петровскій стандартъ“ бѣло-синекрасныи съ обременяющимъ его золотымъ двуглавымъ, коронованнымъ орломъ, есть, повидимому, подражаніе петровской реформаторской эпохи западнымъ (польскимъ, французскимъ и голландскимъ) образцамъ. Подражаніе это однако можетъ

¹⁾ Т. е. цвѣтныхъ.

²⁾ Нашъ и нидерландскій отличаются тѣмъ, что верхній цвѣтъ второго составляетъ нижній цвѣтъ первого.

быть названо смѣло неудачнымъ, и вотъ по какимъ серьезнымъ основаніямъ.

Оно, во-первыхъ, далеко не самобытно, какимъ между тѣмъ должно быть всякое національное отличіе, а таковымъ прежде всего является національный флагъ.

Во-вторыхъ, оно не имѣетъ какихъ либо существенныхъ историческихъ основаній, исторической давности.

Въ-третьихъ, оно геральдически не эстетично—некрасиво неумѣлымъ своимъ построеніемъ и рисункомъ. Затѣмъ—оно въ техническомъ значеніи „фальшиво“, какъ геральдическое составленіе и сочетаніе финифтей и металловъ поля и эмблемы (орла), и наконецъ—неправильно съ точки зрѣнія измѣненія основного традиціоннаго цвѣта древней нашей эмблемы—византійскаго орла.

Именно три означенныхъ цвѣта до Петра Великаго едва-ли гдѣ либо фигурировали въ нашемъ отечествѣ, какъ національные, а если, быть можетъ, гдѣ нибудь и встрѣчались, то, какъ кажется, никогда не приобрѣли извѣстности и популярности.

Такого же распространенія сочетаніе названныхъ цвѣтовъ не приобрѣло и послѣ* Петра, вплоть до нашихъ временъ, (1883 г.), когда они признаны были официально государственными, но безъ обременяющаго двуглаваго желтаго (золото) коронованнаго орла. Какъ бы то ни было, но, по объясненіямъ г. Бѣлавенца, столь шумѣвшій привезенный имъ флагъ является не болѣе, какъ морскимъ „штандартомъ“, который въ послѣдствіи даже, по волѣ самого же своего составителя, замѣненъ былъ другимъ флагомъ, по рисунку французскаго или голландскаго рисовальщика Алярда, еще менѣе похожимъ на національно-государственный, чѣмъ первый. Именно въ 1703 г., т. е. всего 200 лѣтъ до нашей эпохи, былъ созданъ современный морской военный флагъ „стандартъ во образѣ креста Святаго Андрея“, для „морского хода“ лишь „потребный“, но не претендующій вовсе на роль общегосударственнаго и національнаго, чего и самъ Петръ Великій не имѣлъ въ виду при его составленіи. То же самое можно сказать и о бѣло-сине-красномъ такомъ же морскомъ флагѣ 1700 г., предшествовавшемъ андреевскому.

Ни одинъ изъ этихъ флаговъ не имѣлъ признаковъ національнаго, какъ такового.

Приводимый же въ статьѣ г. Бѣлавенца историческій разсказъ о выборѣ бѣло-сине-красныхъ цвѣтовъ флага самимъ Царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, и то въ концѣ XVII вѣка, чуть не наканунѣ петровской эпохи (въ 1676 г.), сравнительно новой въ нашей исторіи, не можетъ быть признанъ убѣдительнымъ ни для историка вообще, ни для геральдика въ частности. Еще менѣе убѣдительнымъ такой выборъ оказывается и потому, что, какъ видно, онъ былъ совершенъ подъ вліяніемъ и по почину иностранца-наемника, капитана Бутлера. Родъ Бутлеровъ англо-ирландскаго происхожденія (Butler). До XVII в. представители этой фамиліи при разныхъ англійскихъ короляхъ занимали видныя мѣста въ государствѣ и даже пользовались графскимъ титуломъ, но въ первой половинѣ XVII вѣка, вѣроятно, подъ вліяніемъ религіозныхъ событій, а, можетъ быть, и по другой причинѣ—нѣкій полковникъ Яковъ Бутлеръ эмигрировалъ сперва въ Ливонію, а оттуда въ Польшу, принявъ польское подданство и по такъ называемому „индигенату“¹⁾ утвержденъ былъ въ древнемъ дворянствѣ вмѣстѣ съ гербомъ, внесеннымъ во всѣ польскіе древніе и новыя гербовники— „въ червленомъ щитѣ золотая корзина съ натуральными цвѣтами“. Другіе представители того же рода поселились въ Германіи, гдѣ одинъ изъ нихъ, знаменитый полковникъ Бутлеръ, генералъ въ арміи Валленштейна, открылъ его измѣну, а другой при Фердинандѣ II получилъ графское достоинство. Современемъ Бутлеры совсѣмъ ополчались, переженились на дочеряхъ родовитыхъ магнатовъ и, породившись съ ними, стали занимать видныя мѣста въ королевствѣ. Отъ нихъ осталось большое потомство, существующее и по сіе время. Вильгельмъ Бутлеръ въ 1680 году былъ представителемъ польскаго короля при разграниченіи земель (на границѣ) съ царемъ Московскимъ. Капитанъ Бутлеръ, о которомъ упоминаетъ въ своей статьѣ г. Бѣлавенецъ, несо-

¹⁾ Indygenat—см. у польскаго геральдика Несецаго.

миѣнно, принадлежалъ къ этому польскому роду, на что указывается и годъ (1677) пребыванія его въ Московскомъ царствѣ. Цвѣта петровскаго стандарта, какъ оказывается, были выбраны царемъ по ходатайству этого капитана наемной службы единственнаго тогдашняго Дѣдинскаго нашего корабля, при чемъ отъ казны на нужды сего иностранца было отпущено столько-то аршинъ „киндяковъ“ и столько-то аршинъ „тафтѣ“ червчатыхъ, бѣлыхъ и лазоревыхъ, къ корабельному дѣлу на знамена и на „яловчики“. Затѣмъ Петръ Великій послѣ перваго своего посѣщенія города Архангельска въ 1693 году пожаловалъ архангельскому архіепископу Аѳанасію свой „стругъ“, на которомъ онъ плавалъ на рѣкѣ Двинѣ, „со всею снастью корабельною“. Такимъ образомъ этотъ стандартъ развѣвался на рѣчномъ царскомъ „стругѣ“ и подаренъ затѣмъ на память, какъ никому ненужная больше, непригодная Петру Великому вещь, вмѣстѣ съ другими снастями, отслужившими свое и сданными въ архивъ.

Вотъ и все его историческое значеніе. . .

Но такимъ путемъ далеко еще не создается столь важное государственное отличіе, какимъ несомнѣнно считается, а особенно признавался въ тѣ времена,—національный флагъ. Скорая его послѣдующая отміѣна также говоритъ не въ пользу его усвоенія Петромъ Великимъ, очевидно далеко не проникшимся выборомъ царственнаго своего предмѣстника и отдавшимъ предпочтеніе Алярдовскимъ проебтамъ и образцамъ.

Исторія умалчиваетъ при этомъ, чѣмъ собственно руководился при „выборѣ“ этихъ національных (?) цвѣтовъ самъ Московскій царь Алексѣй Михайловичъ, едва-ли вмѣстѣ съ тогдашними боярами и приближенными хорошо усвоившій правила современной геральдики, какъ западно-европейской науки, мало извѣстной въ Московской Руси ¹⁾, на что указы-

¹⁾ При этомъ царѣ настолько мало было распространено это знаніе, что Алексѣй Михайловичъ просилъ императора Леопольда I прислать ему ученаго по этой части. Императоръ исполнилъ просьбу царя и прислалъ въ Москву своего герольдмейстера Лаврентія Хурулевича, называемаго короче Куреличемъ, который въ 1673 г. собралъ русскіе тогдашніе гербы и отличія въ изданномъ на латинскомъ языкѣ сочиненіи „О родословіи Россійскихъ Великихъ Князей и Государей“ (Арх. Мин. Иностр. Д.).

ваетъ также, между прочимъ, и самый совѣтъ Бутлера царю, что необходимо выбрать національные цвѣта: „а цвѣтами, какъ Великій Государь укажетъ; но только на корабляхъ бываетъ этого государства корабль, того государства бываетъ и знамя“, — во всякомъ случаѣ свидѣтельствующій о знаніи Бутлеромъ официальной геральдики. Такъ и осталось неизвѣстнымъ, кто собственно навелъ царя на мысль послать Бутлеру именно червчатые (т. е. несомнѣнно „червленые“ или красные, а не иные) бѣлые и лазоревые (т. е. опять-таки синіе, а никакъ не „серафическіе“, какъ полагаютъ нѣкоторые) ¹⁾ киндяки и тафты, а не какіе либо другіе, т. е. *какія историческія или инья соображенія—не случайнаго характера и выбора—имѣлись при этомъ въ виду?* Не помогъ ли во многомъ въ такомъ выборѣ, не имѣющемъ прецедентовъ въ Московскомъ царствѣ, самъ совѣтникъ панъ-Бутлеръ, и не походила ли въ свое время вся эта историческая затѣя на первый опытъ, на забаву, въ родѣ послѣдующихъ потѣшныхъ, хотя и ставшихъ въ послѣдствіи, подобно знаменитому „ботику“ Петра Великаго, изъ развлечения первымъ кадромъ нашей регулярной силы?

Во всякомъ случаѣ едва-ли такой „потѣшный“ мореходный вымпелъ могъ быть съ легкой совѣстью распространяемъ на всю націю въ видѣ народнаго его знамени.

Едва-ли это можно сдѣлать и въ наше время, не желая завѣдомо предрѣшить вопросъ, далеко еще не выясненный.

II. Петровскія новшества по составленію флага.

Петръ Великій, любившій творить и вводить разныя новшества, сильно увлекаясь своей страстной натурой, могъ и въ области національныхъ отличій пожелать „обновить“ старый несимпатичный ему строй и дать создаваемой имъ новой Имперіи—новую эмблему, новые цвѣта и видъ, долженствующіе отнынѣ видимо и назидательно отличать (аллегорическимъ образомъ) новую эпоху отъ старой, совершенно имъ забрако-

¹⁾ Н. Энгельгардтъ „Расцвѣтка русскаго національнаго флага“, Нов. Вр. 1910 г. Июнь.

ванной. Ошибка Петра Великаго, являясь слѣдствіемъ не совсѣмъ надлежащаго усвоенія имъ сущности геральдическихъ отличій вообще, состояла именно въ томъ, что онъ полагалъ возможнымъ и нужнымъ, одновременно съ административными и другими мѣрами и новшествами, однимъ ударомъ измѣнить и народные цвѣта и народный флагъ. Имъ не было надлежаще сознано, что, насколько первое естественно, практично и въ самомъ дѣлѣ оказалось великимъ въ смыслѣ преобразованій, настолько второе не соответствовало ни геральдическимъ традиціямъ народа, ни самому величію гениальнаго преобразователя. Дѣло въ томъ, что именно въ гербовныхъ отличіяхъ (а національный стягъ по своему значенію несомнѣнно является таковымъ для государства и народа), подобныя „новшества“, даже и съ идеей символизма и аллегоріи и намѣренной въ нихъ цѣлью, не должны быть наскоро примѣняемы, а древняя эмблема или цвѣтъ націи, подобно гербу древняго рода, должны быть всегда и неизмѣнно сохраняемы нетронутыми. Въ противномъ случаѣ самая эмблема теряетъ символическое и историческое свое значеніе, не приобретаетъ популярности въ народѣ и становится не болѣе, какъ официальнымъ, казеннымъ штемпелемъ. Если же могутъ замѣтить, что Петръ Великій былъ принужденъ „создавать“ и въ этой области, за неимѣніемъ прецедентовъ, то во всякомъ случаѣ эту работу надо было произвести въ національномъ направленіи и въ исканіи древне-русскихъ образцовъ, а не въ послушномъ копированіи и усвоеніи моделей и проектовъ, взятыхъ безъ особаго разбора у перваго попавшагося иностраннаго рисовальщика. Обновленіе стараго герба, согласно временнымъ вкусамъ, составляетъ непростительный „ремонтъ“. Поэтому, не рискуя потерять свое значеніе въ международномъ мѣстничествѣ, государство не должно, безъ основанія, мѣнять старыя свои эмблемы на новыя, ни при какихъ, даже новыхъ обстоятельствахъ. Это было хорошо у насъ понято послѣ Петра Великаго, особенно при Николаѣ I, когда русская официальная геральдика вышла на вѣрный путь и нашла настоящій выходъ изъ своего затрудненія, вернувшись къ древнимъ традиціямъ и образцамъ.

Рисунки новыхъ знаменъ составлялись особыми специалистами, иностранцами, и утверждались Сенатомъ.

Въ журналахъ и протоколахъ Правительствующаго Сената за октябрь мѣсяць 1738 г. (№ 240/2121, № 151) говорится, что до 1738 г. сочиненіемъ русскихъ гербовъ занимался въ Герольдмейстерской конторѣ герольдмейстерскій товарищъ, иноземець полковникъ Сантій; а потомъ повелѣно: „для сочиненія гербовъ представить иноземцевъ Иоганна-Кондрата Геннингера, о которомъ Академія наукъ представляетъ, что онъ въ герольдической наукѣ и въ знаніи чужестранныхъ языковъ и географіи и рисованію искусенъ, да бывшаго при Оренбургской экспедиціи ассессора Ягана Готфрида Гейнгельмана, который... къ сочиненію герольдички и чужестраннымъ языкамъ и географіи и прочимъ наукамъ искусенъ, и при Оренбургской экспедиціи употребленъ былъ къ учрежденію гербовъ новозаложенныхъ городамъ и на знамена“¹⁾.

Такимъ образомъ нужно, какъ кажется, признать, что означенные цвѣта царя Алексѣя Михайловича, а затѣмъ Петровскаго стандарта, составляли не болѣе, какъ случайную и временную инновацию и творчество геральдической, еще не установившейся фантазіи самого Петра или близкихъ ему людей, наконецъ, копію съ иностранныхъ образцовъ, безъ какого либо историческаго прошлаго или логическаго ихъ объясненія. То же самое можно отнести и къ петровскому „андреевскому флагу“, приобретающему лишь специально-корпоративное, традиціонное (для одного флота, созданнаго Петромъ Великимъ) значеніе, но также не могущаго имѣть общенациональнаго характера, какой онъ тѣмъ не менѣе долженъ имѣть, отмѣчая собою флотъ русскаго, а не иного государства. Очевидно, при этомъ было забыто Петромъ Великимъ компетентное указаніе Бутлера, приведенное выше,—о международномъ значеніи и видѣ кормового морскаго флага. Нельзя забывать также, что орденъ св. Андрея Первозваннаго, положенный въ основу этого флага, самъ составлялъ совер-

¹⁾ Д. Самоковасовъ—Къ вопросу о государственныхъ цвѣтахъ древней Россіи, Моск. Вѣд. № 156.

шенно новое ¹⁾ отличие, и поэтому, как гербовный знакъ, могъ утвердиться лишь современемъ. Въ такомъ смыслѣ онъ и понятъ лишь „украшаетъ“ въ видѣ намета щитъ государственнаго нашего герба, но отнюдь не является какой либо составной частью щита или самостоятельной „почетной его фигурой“.

Не одинъ Петръ, впрочемъ, допустилъ такую погрѣшность, если вообще незнаніе геральдическихъ правилъ и проявленіе аллегорической въ этой области фантазіи можно назвать этимъ именемъ. Сто лѣтъ спустя другой великій человекъ, удивившій міръ своей гениальностью и смѣлостью плановъ, задумавшій передѣлать на свой ладъ не только одно свое отечество, но весь міръ, впалъ въ ту же мелочную ошибку. Наполеонъ, задумавъ преобразовать французское дворянство по своему, выработалъ широкій и многосторонній планъ въ этомъ отношеніи и создалъ цѣлую новую, своеобразную геральдику. Не подлежить сомнѣнію, что все это вышло пошло и нелѣпо, плохо достигая цѣли (слишкомъ утилитарной и мало дворянской), возбуждая лишь насмѣшки современниковъ и не приобретаая никакой популярности или исторической устойчивости. И здѣсь наблюдалось то же самое, что въ упомянутыхъ выше нашихъ геральдическихъ новшествахъ, хотя и имѣло то предъ ними преимущество, что, какъ казалось, производилось согласно правиламъ науки и хорошо усвоеннымъ ея требованіямъ. Всѣ новоиспеченные графы и бароны наполеоновской имперіи вмѣстѣ съ своими фантастическими гербами, расписанными самимъ императоромъ, пожелавшимъ при этомъ превратить эти гербы въ какіе-то видимые и общепонятные служебные формуляры своихъ сподвижниковъ, на которыхъ ясно означены были ихъ положеніе и заслуги, не продержались долго, и вся эта непризнанная наполеоновская геральдика скоро исчезла вмѣстѣ съ паденіемъ своего автора.

Петръ Великій, въ пылкой страсти творить, спѣша, какъ бы затмить все прошлое и стереть всѣ слѣды, могущіе чѣмъ либо

¹⁾ Учрежденъ былъ лишь въ 1699 году.